

Научная статья

УДК 81'42:316.77

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17303>

EDN: <https://elibrary/VYTNLN>

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК МАРКЕР ЯЗЫКОВОГО ВКУСА ЭПОХИ В МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ МЕДИАТЕКСТОВ)

М. Гладко

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

 mgladko29@gmail.com

Аннотация. В современном медиадискурсе социальные, политические, культурные события все чаще описываются через психотерапевтическую лексику, которая служит для аудитории готовым языком интерпретации реальности, оценки и осмысления событий. В статье исследуется функционирование психотерапевтической лексики на материале белорусских газетных и телевизионных онлайн-текстов за период 2021–2026 гг. Методология исследования включает контекстуальный, дистрибутивный, лингвопрагматический, сопоставительный анализы, тематическое кодирование. Установлено, что, несмотря на тематическую специализацию с максимальной концентрацией в сферах межличностных отношений и трудовой деятельности, психотерапевтическая лексика фиксируется в различных тематических доминантах медиатекста, включая те, которые напрямую не связаны с психологической проблематикой (политика, экономика, экология, спорт и т.д.). Регулярная встречаемость, даже при невысокой плотности, свидетельствует об экспансии и универсализации психотерапевтической лексики как инструмента интерпретации и оценки социальных, политических процессов. Выделены шкалы расширения ее синтагматических связей (тематическая, градуальная («конкретное — абстрактное»), темпоральная, «частное — общее» («индивидуальное — коллективное»), «узвальное — окказиональное» («стандартное — креативное»)). В медиадискурсе психотерапевтическая лексика вступает в сочетания с существительными различных семантических групп (зоонимы, институциональная сфера, номинирующие социально-психологические понятия, ресурсные категории, бытовые объекты, аффективные состояния), что свидетельствует о ее лингвокреативном потенциале. В статье обосновывается, что психотерапевтическая лексика выступает универсальным инструментом интерпретации действительности, эмоциональной оценки и лингвокреативной игры, а ее регулярное употребление формирует в медиадискурсе психологизированный языковой вкус. На основе объективных показателей разработана шкала устойчивости/укорененности лексики в медиадискурсе, позволяющая количественно оценить степень внедренности психотерапевтической лексики и интерпретировать ее как маркер языковой моды.

Ключевые слова: медиадискурс, белорусские СМИ, языковая мода, психотерапевтическая культура, психотерапевтическая лексика, лексическая сочетаемость, прагматические функции.

Для цитирования: Гладко М. Психотерапевтическая лексика как маркер языкового вкуса эпохи в медиадискурсе (на материале белорусских медиатекстов) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 31–52. DOI: 10.18721/JHSS.17303

THERAPY SPEAK AS A MARKER OF THE LANGUAGE TASTE OF THE ERA IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON BELARUSIAN MEDIA TEXTS)

M. Gladko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

mgladko29@gmail.com

Abstract. In contemporary media discourse, social, political, and cultural events are increasingly described through psychotherapy vocabulary, which serves as a ready-made language for audiences to interpret reality, evaluate, and comprehend events. This article examines the functioning of psychotherapeutic vocabulary using Belarusian online newspaper and television texts for the period 2021–2026. The research methodology includes contextual, distributional, linguopragmatic, and comparative analyzes, as well as thematic coding. It has been established that, despite thematic specialization with a maximum concentration in the areas of interpersonal relationships and work, psychotherapeutic vocabulary is recorded in various thematic dominants of the media text, including those not directly related to psychological issues (politics, economics, ecology, sports, etc.). This regular occurrence, even at low density, testifies to the expansion and universalization of psychotherapeutic vocabulary as a tool for interpreting and evaluating social and political processes. The scales of expansion of its syntagmatic connections are identified (thematic, gradual (“concrete – abstract”), temporal, “particular – general” (“individual – collective”), “usual – occasional” (“standard – creative”). In media discourse, psychotherapeutic vocabulary enters into combinations with nouns of various semantic groups (zoonyms, institutional sphere, nominating socio-psychological concepts, resource categories, everyday objects, affective states), which indicates its lingua-creative potential. The article substantiates that psychotherapeutic vocabulary acts as a universal tool for interpreting reality, emotional assessment, and lingua-creative play, and its regular use forms a psychologized linguistic taste in media discourse. Based on objective indicators, a scale of stability/rootedness of vocabulary in media discourse has been developed, which allows for a quantitative assessment of the degree of implementation of psychotherapeutic vocabulary and its interpretation as a marker of linguistic fashion.

Keywords: media discourse, Belarusian mass media, language fashion, psychotherapy culture, therapy speak, lexical compatibility, pragmatic functions.

Citation: Gladko M.A. Therapy Speak as a Marker of the Language Taste of the Era in Media Discourse (Based on Belarusian Media Texts), *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 31–52. DOI: 10.18721/JHSS.17303

Введение

Каждая эпоха формирует собственный языковой вкус — понятие, введенное в научный оборот В.Г. Костомаровым, который определял его как «меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [1, с. 24]. Языковой вкус, или языковая мода, описывает «принятые на определенном этапе развития человечества нормы и стандарты языкового поведения, культуры речи»¹, совокупность предпочтительных лексических единиц, которые в определенный исторический период воспринимаются как наиболее адекватные для выражения социально значимых смыслов и коммуникативных установок. Иными словами, языковой вкус фиксирует те лексические ресурсы, через которые общество интерпретирует собственный опыт.

Темп языковой динамики резко повышается в переломные исторические периоды. *Язык революции, язык перестройки, язык пандемии* становятся не просто метафорами, но ключевыми

¹ Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. С. 389.

словами, фиксирующими то, как социальные катаклизмы ускоряют лексическое обновление и перестройку дискурсивных практик. Сегодня к этим факторам добавляются «терминологический бум» в социально-гуманитарных науках, медиатизация институциональных дискурсов и высокая восприимчивость аудитории к модным дискурсивным практикам.

Если в эпоху революций доминирующим источником новых слов выступала идеологическая сфера, в период пандемии — медицинский дискурс, то в современной медиасреде аналогичную роль все активнее выполняют дискурсивные практики, изначально принадлежавшие узкопрофессиональным сферам. В последние десятилетия психотерапевтическая культура формирует особое мировоззрение, «способ мышления» и образцы действия, пронизывающие все сферы общества [2, с. 8] и распространяющиеся через медиа, популярную литературу, социальные сети [3, с. 5]. Терапевтический поворот в современном обществе связывается с формированием автономного индивидуалистического «Я», особого психологизированного мировоззрения, способа мышления, когда идеи и практики психологии становятся основным инструментом самопознания и решения проблем в различных сферах общества [3, с. 4–8; 4, с. 289], с функционированием психотерапевтического дискурса как доминирующего способа осмысления личности и общества [4, с. 298; 5]. По мнению Д. Неринга и др., «триумф психотерапевтического» определяет то, как индивиды мыслят, чувствуют и действуют, как социальные институты управляют этими процессами, а также как социальные изменения, проблемы и властные отношения артикулируются в публичном дискурсе [4, с. 297].

Психотерапевтическая лексика (ПЛ) выступает ключевым проводником психотерапевтической культуры, ее языковым воплощением, посредством чего в медиапространстве транслируются ценностные установки, задается особый фокус восприятия действительности и субъектов коммуникации. Поясним, что мы отдаем предпочтение использованию понятия *психотерапевтическая лексика*, которая составляет подсистему более широкой системы психологической лексики, но обладает собственной спецификой. Выбор данного термина обусловлен тремя причинами. Во-первых, анализируемые единицы являются языковым воплощением *терапевтического поворота (therapeutic turn)* — процесса проникновения психотерапевтических идей и практик в различные сферы общества, описанного в исследованиях зарубежных и отечественных ученых [2–6]. Во-вторых, в зарубежной литературе для обозначения этого феномена закрепились термины *psychotherapy language*, *therapy speak* [2; 4–7], что подчеркивает именно терапевтическое, а не общепсихологическое происхождение этой лексики. В-третьих, в отличие от психологической лексики, которая выполняет преимущественно номинативную и описательную функции, фиксируя психические процессы и структуры личности (мышление, память, эмоции, восприятие), ПЛ ориентирована на оценку, диагностику и регуляцию поведения, что обусловлено ее источником — клинической практикой и консультированием. Именно эта функциональная специфика — способность описывать и квалифицировать личности и отношения между ними, явления действительности — определяет активную экспансию ПЛ в современную коммуникацию.

Исследование Л. Эрамиан, П. Маллори и М. Герберта показывает, что язык и идеи психотерапии (например, акцент на «здоровых» или «токсичных» отношениях, личных границах, самораскрытии) перестают быть инструментом исключительно клинической или романтической сферы и становятся универсальным «культурным репертуаром» для осмысления любых форм близости [7].

В лингвистике анализ функционирования ПЛ проводится в нескольких направлениях. В сопоставительном этимологическом исследовании В.А. Колесник и И.Н. Фомина отмечают, что значительная часть ПЛ в русском языке является заимствованной, а ее распространение в непрофессиональной коммуникации ведет к утрате точности и появлению дополнительных коннотаций, не свойственных исходному термину [8, с. 189–190]. По мнению исследователей

в области лексикологии, лексической семантики, психологические термины в повседневной речи подвергаются детерминологизации, т.е. покидают терминологическую систему и утрачивают первоначальные критерии [9, с. 328], изменяют семный состав и объем, утрачивают диагностическую точность и превращаются в общие ярлыки для обозначения неприятных людей [10–12]. Данный процесс также описывается термином *семантическое обесцвечивание* (*semantic bleaching*) – явление, при котором исходное значение слова размывается, уступая место эмоционально-оценочным коннотациям [13; 14]. Кроме того, одним из ключевых механизмов, лежащим в основе экспансии ПЛ, является метафорический перенос [15, с. 69].

С позиции прагмалингвистики С.В. Лебедева и Н.В. Астахова предложили рассматривать ПЛ через призму эвфемии, показав ее двойственную природу: смягчение травматичного опыта в профессиональной среде и гиперболизацию в бытовом дискурсе [16].

Исследования ПЛ в профессиональном (журналистском) медиадискурсе остаются крайне малочисленными [9; 17]. Так, Т.А. Пивоварчик выделяет некоторые устойчивые речевые конструкции психотерапевтического дискурса, проникающие в газетные статьи, формирующие *психологический конструкцион* – совокупность частотных коллокаций и синтагм, заимствованных из психологии [17, с. 34].

В зарубежной научной литературе представлены результаты исследования *therapy speak*, которые преимущественно сосредоточены на анализе ПЛ в повседневном употреблении в социальных медиа, ее этических последствиях, связывая языковые изменения с макросоциальными процессами (неолиберализм, индивидуализация, глобализация). Зарубежные исследователи говорят о неточности и поверхностности использования психотерапевтического языка [13; 14; 18]. Корпусные и вычислительные исследования данного феномена эмпирически подтверждают гипотезу *концептуального расползания* (*concept creep*), или семантических трансформаций ПЛ, согласно которой клинические термины в дискурсе социальных сетей расширяют свое значение, охватывая все более широкий круг бытовых и социальных явлений [19]. Ключевым механизмом таких изменений выступает трансформация контекстуального окружения лексем: например, *токсичный* (*toxic*) в научной литературе сохраняет связь с химическими веществами, тогда как в пользовательской коммуникации становится маркером деструктивных качеств личности или нездоровых социальных и коммуникативных практик (*токсичная маскулинность, токсичные отношения*) [19, с. 138].

С. Исерн-Мас и М. Альмагро вводят понятия эпистемической и аффективной несправедливости, показывая, как использование терминов *границы, токсичность, газлайтинг* может обесценивать эмоциональный опыт других людей и маскировать властные отношения [13].

Таким образом, большинство работ либо сосредоточено на семантических изменениях отдельных терминов, либо рассматривает ПЛ в широком контексте языковой моды в непрофессиональном пользовательском дискурсе в социальных сетях без углубленного анализа прагматических функций. Между тем исследование ПЛ в медиакommunikации приобретает не только лингвистическую, но и социокультурную значимость. Лексика престижной сферы психологии, выходя за пределы профессиональной коммуникации, превращается из профессионального инструмента в ресурс медиакommunikации. Его изучение позволяет выявить, как посредством ПЛ автор сообщения по-новому оценивает и категоризирует явления, накладывая на них психотерапевтическую оптику и тем самым формируя у адресата определенное отношение к действительности.

Материал и методика исследования

В ходе предварительного анализа методом сплошной выборки были отобраны 1600 текстов из onliner.by, Tochka.by, ont.by, news.by за период 2021–2026 гг., представляющих новостные, информационно-аналитические, информационно-развлекательные онлайн-версии газет и

онлайн-порталы телеканалов. Из них выделены 828 текстов, содержащих ПЛ, которые составили эмпирическую базу исследования.

Анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе был проведен тематический анализ ПЛ посредством программы QDA Miner Lite. Тематическая кодировка текстов осуществлялась комбинированным способом: сначала проводилась автоматическая кластеризация текстов по тематическим рубрикам (новости, аналитика, развлекательные материалы) с последующей ручной верификацией каждого фрагмента, содержащего ПЛ, для исключения случаев несоответствия рубрики и фактического содержания. Фрагменты, отнесенные к неверной рубрике, вручную перераспределялись по тематическим сферам с учетом контекста. Далее кодировка осуществлялась вручную. Каждому фрагменту текста, содержащему ключевой термин, присваивался тематический код (геополитика, образование и др.). Выделенные коды впоследствии объединялись в тематические блоки. В отличие от автоматической кластеризации, ручное кодирование позволило учитывать контекстуальные нюансы и исключать случаи омонимии. Частотный анализ проводился с использованием встроенных инструментов QDA Miner Lite: вычислялась доля каждой темы в общем массиве проанализированных фрагментов, на основе чего были рассчитаны индексы тематической насыщенности для построения таблицы тематической специализации лексем. Для проверки надежности 20% выборки было повторно закодировано независимым экспертом (согласованность составила 99%).

На втором этапе для выявления механизмов лексической экспансии ПЛ был проведен анализ сочетаемости с выделением основных шкал расширения синтагматических связей. Семантические трансформации исследовались методами контекстуального и дистрибутивного анализов, а также сопоставительного анализа дефиниций клинических психотерапевтических терминов и их семантики в медийных контекстах.

На третьем этапе метод лингвопрагматического анализа позволил выявить прагматические функции ПЛ в медиатекстах.

На четвертом этапе для выявления динамики актуализации ПЛ в белорусском медиадискурсе был проведен диахронический анализ (в программе QDA Miner Lite): сопоставлены частотности ключевых лексем по годам (2021–2026) на основе распределения всего корпуса по временным срезам.

На пятом этапе на основе полученных эмпирических данных были разработаны показатели устойчивости/укорененности ПЛ в медиадискурсе, построена шкала, позволяющая интерпретировать количественные данные по степени внедренности ПЛ в медиадискурс (от крайне низкой до высокой). Для настоящего исследования на основе эмпирических данных был рассчитан индекс устойчивости ПЛ в белорусском медиадискурсе.

Результаты исследования

Первоначально ПЛ функционировала в рамках клинической психологии, психоанализа, психотерапии и психиатрии, представляя собой терминологическую подсистему медицинского дискурса. В ее ядре можно выделить четыре основные тематические группы [16, с. 131]:

1) психические состояния и расстройства (*тревожное расстройство, паническое расстройство, биполярное аффективное расстройство, шизофрения, пограничное расстройство личности*), часть которых закреплена в международных классификациях;

2) терапевтические подходы и методы (*гештальт-терапия, арт-терапия, незавершенный гештальт*), каждый из которых формирует собственный метаязык (невроз, бессознательное, сублимация и др.);

3) процессы взаимодействия в терапии (*раппорт, эмпатия, активное/эмпатическое слушание*), описывающие динамику отношений между терапевтом и пациентом;

4) состояния и изменения в процессе терапии (*ресурсы, аутентичность, инсайт, рефрейминг, резистенция*), фиксирующие этапы и результаты терапевтической работы.

В современном медиадискурсе эти единицы активно выходят за пределы профессиональной коммуникации и перегруппировываются вокруг трех доминантных групп. **Лексические единицы, входящие в тематическую группу «отношения»**, служат для номинации межличностных или межгрупповых взаимодействий, их качественных характеристик. Сюда входят: обозначения негативных практик (*абыюз, газлайтинг, токсичность, обесценивание*); понятия, связанные с установлением дистанции (*границы, сепарация*); ярлыки (*нарцисс, абыюзер*). **Термины психологического благополучия** аккумулируют слова, связанные с идеалами саморегуляции, личностного роста и управления эмоциями. В эту группу входят: практики самоуправления (*ресурс, осознанность, зона комфорта, экологичность*); маркеры (желаемых) состояний (*аутентичность, внутренняя опора, устойчивость*). **Лексические единицы, вербализующие эмоциональные состояния**, используются для номинации настроений и психофизических реакций — *депрессия, выгорание, паническая атака, травма, тревога*. Функционирование данных единиц в медиадискурсе в ряде случаев характеризуется утратой терминологической точности и переориентацией на оценочную и эмоциональную репрезентацию события или факта действительности.

В данном исследовании анализировались частотные и/или регулярно воспроизводимые лексемы, зафиксированные в медиатекстах различных тематических сфер. Термины с низкой частотностью употреблений (до двух раз в текстах одной тематической доминанты) и узкой сферой функционирования — при обсуждении психологических проблем (*обесценивание, сепарация, паническая атака, внутренняя опора* и др.) не были включены в выборку.

Тематические области психотерапевтической лексики

В ходе анализа ПЛ зафиксирована во всех рассматриваемых типах медиадискурса — новостном, информационно-аналитическом и информационно-развлекательном. Однако ее частотность и функциональная нагрузка существенно варьируются в зависимости от тематической направленности медиатекста. Анализ распределения ПЛ по тематическим областям позволяет выявить зоны ее максимальной концентрации и периферийную сферу.

На основе частотного анализа всего корпуса текстов были установлены **основные / ядерные реципиентные тематические сферы** с максимальной концентрацией ПЛ. В рамках выделенных тематических сфер для каждой лексемы была вычислена нормализованная доля употреблений (табл. 1). В ячейках таблицы первое число обозначает абсолютную частоту употреблений лексемы в соответствующей тематической сфере, второе (в скобках) — нормализованную долю, рассчитанную как отношение частоты в данной сфере к общей частоте лексемы. На основе этих данных осуществлялся расчет плотности употребления ПЛ (суммарное количество употреблений лексем в каждой тематической сфере). Градации плотности определены по шкале *очень высокая* ($>0,45$), *высокая* ($0,30-0,45$), *средняя* ($0,15-0,30$), *низкая* ($<0,15$).

Анализ распределения ПЛ показывает выраженную асимметрию. В медиадискурсе формируется специализированный лексический фонд, где одни единицы закрепляются за макроблоком «Межличностные отношения», другие демонстрируют более широкую сочетаемость, охватывая самые разнообразные тематики.

Максимальная плотность ПЛ фиксируется в сфере «Межличностные отношения» (1299), что указывает на ее ядерный статус. Значительная концентрация наблюдается в рамках тематических доминант «Политика» (694) и «Работа / профессиональная деятельность» (468). Сферы «Социальная сфера» (356) и «Медиа/Интернет» (382) демонстрируют средние показатели, что тем не менее указывает на перенос психотерапевтической оптики на социальные процессы и коммуникацию в цифровом пространстве. Меньшие значения в тематической сфере «Экономика» (179) указывают на низкую плотность ПЛ в данной области: ПЛ проникает в экономический дискурс точно, через отдельные коллокации.

Таблица 1. Тематическая специализация психотерапевтической лексики в медиадискурсе²
Table 1. Thematic specialization of psychotherapeutic vocabulary in media discourse

Лексема	Политика	Социальная сфера	Межличностные отношения	Работа / профессиональная деятельность	Экономика	Медиа/ Интернет
токсичный	120 (0,24)	36 (0,07)	188 (0,38)	38 (0,07)	59 (0,12)	68 (0,13)
газлайтинг	64 (0,53)	12 (0,10)	25 (0,21)	8 (0,07)	4 (0,03)	8 (0,07)
абыюз/абыюзер	108 (0,31)	24 (0,07)	138 (0,39)	49 (0,14)	21 (0,06)	14 (0,04)
нарцисс	56 (0,26)	8 (0,04)	132 (0,62)	4 (0,02)	4 (0,02)	8 (0,04)
ред флаг / красный флаг	4 (0,02)	8 (0,04)	120 (0,65)	36 (0,20)	4 (0,02)	12 (0,07)
границы	16 (0,07)	12 (0,05)	144 (0,64)	24 (0,11)	4 (0,02)	26 (0,12)
травма	36 (0,20)	44 (0,24)	80 (0,43)	4 (0,02)	8 (0,04)	12 (0,07)
тревожность	28 (0,16)	32 (0,18)	68 (0,39)	32 (0,18)	8 (0,05)	8 (0,05)
стресс	60 (0,29)	16 (0,08)	48 (0,24)	56 (0,27)	16 (0,08)	8 (0,04)
выгорание	16 (0,08)	20 (0,10)	36 (0,19)	104 (0,54)	12 (0,06)	4 (0,02)
забота	84 (0,41)	16 (0,08)	80 (0,39)	12 (0,06)	4 (0,02)	8 (0,04)
триггер	56 (0,29)	24 (0,13)	36 (0,19)	8 (0,04)	8 (0,04)	59 (0,31)
депрессия	15 (0,09)	30 (0,18)	40 (0,24)	18 (0,11)	12 (0,07)	52 (0,31)
психологический	18 (0,09)	34 (0,17)	52 (0,27)	16 (0,08)	8 (0,04)	68 (0,35)
уязвимость	3 (0,04)	34 (0,40)	23 (0,27)	11 (0,13)	3 (0,04)	10 (0,12)
самооценка	—	2 (0,07)	19 (0,63)	9 (0,30)	—	—
созависимость	3 (0,06)	3 (0,06)	31 (0,61)	10 (0,20)	4 (0,08)	—
жертва	7 (0,08)	1 (0,01)	39 (0,42)	29 (0,31)	—	17 (0,18)

При этом ряд лексических единиц демонстрирует устойчивую гетерогенную специализацию: *токсичный*, *газлайтинг* активно используются при обсуждении тем межличностных и политических отношений; *тревожность* — межличностных и трудовых отношений.

Наибольшая востребованность ПЛ характерна для тематической доминанты «Межличностные отношения», содержащей оценку семейных, профессиональных, дружеских взаимодействий. Ядерными единицами здесь являются *токсичный* (0,38), *абыюз/абыюзер* (0,39), *нарцисс* (0,62), *границы* (0,64). Их высокие корреляции свидетельствуют о формировании кластера диагностических номинаций личности, которые позволяют адресату интерпретировать межличностные конфликты через лексические маркеры патологии и эмоциональной нормы: *Психолог назвала красные флаги, по которым можно распознать нарцисса* (sb.by, 29.05.2026).

При анализе макроструктуры медиатекста, замечено, что в 38% текстов ПЛ используется в его сильных позициях — заголовках, подзаголовках, лидах/подводках и выполняет функцию привлечения и удержания внимания. Размещение модных лексем в заголовочном комплексе обеспечивает быструю узнаваемость темы и установку на ее «психологизированное» восприятие. Так, в заголовках *За что девушки по всему миру полюбили вампира? Разбираем «Сумерки» с психологией*; *Звезда «Друзей» рассказала о токсичной обстановке на съемках культового сериала* ПЛ не только номинирует тему, но и активизирует в сознании адресата готовые когнитивные схемы (фреймы), связанные с модным психологическим дискурсом (типы проблемных людей, отношения, опасность).

² Лексемы представлены в обобщенном виде и включают все словоформы и производные единицы, зафиксированные в корпусе. Лексема жертва учитывалась только в значении «пострадавший от насилия, абыюза или психологического давления»; случаи употребления в других значениях (например, «жертва пожара», «жертва обстоятельств») не принимались во внимание.

ПЛ тематической группы «Межличностные отношения» зачастую воспроизводится в прямой речи героев репортажа. Частотность таких вкраплений особенно высока в текстах о семейных и романтических, профессиональных/трудовых отношениях, в жанре личных историй, интервью с непубличными людьми: *Лана утверждает, что игры помогли ей **восстановить самооценку**, которая была разрушена из-за отношений с противоположным полом: **Она никогда не была высокой, но получилось только хуже. Я вышла замуж: **получилось созависимо и абьюзивно**, и из брака я ушла в опустошении и отчаянии*** (onliner.by, 11.12.2025). Пл способствует сокращению коммуникативной дистанции и эмпатическому включению адресата, так как призвана создать эффект «узнавания» схожих проблем и психоэмоциональных состояний, формировать солидарность. Частотное включение микроблоков данной тематической доминанты, оценка и описание отношений через психологическую призму в медиатекстах различной жанровой и тематической направленности формируют психологизированный фокус и способ отражения действительности.

Как уже отмечалось, в медиатексте термин из сферы психологии утрачивает диагностическую точность и превращается в оценочный ярлык, который может быть применен к любому объекту — вплоть до астрологических характеристик. В последнее время Пл активно проникает в тексты-гороскопы, где она выполняет аттрактивную и идентификационную функции — маркирует содержание текста как актуальное и модное и позволяет читателю отождествить себя с предлагаемым описанием: *Звездные **нарциссы**: названы знаки зодиака с самым высоким уровнем самовлюбленности... Окружите вниманием, прислушивайтесь к мнению и эмоциям. Раку жизненно важно почувствовать вашу **уязвимость** в ответ* (sb.by, 04.05.2026).

Употребление Пл призвано создать у аудитории ощущение глубины и «научности» анализа, а также позволяет примерить на себя предлагаемые психологические характеристики. Таким образом, гороскопы с включениями Пл конструируют психологизированный образ адресата, предлагая ему готовый язык для самоописания. Помимо этого посредством Пл формируются дискурсивные аффективные и моральные регуляторы, адресованные массовой аудитории. Так, гороскопы конструируют нормативные модели эмоционального поведения: например, Раку предписывается уязвимость и потребность во внимании, а Льву — готовность к жертвенности. Соответственно, можно сделать вывод о том, что Пл выполняет регулятивную функцию в медиатексте, поскольку задает рамки эмоционального самоощущения и взаимодействия, т.е. ожидаемые модели чувствования и поведения в обществе.

Наибольшие показатели корреляции в тематической зоне «Политика» демонстрируют лексемы *абьюз/абьюзер* (0,31), *токсичный* (0,24), *триггер* (0,29), *нарцисс* (0,26), *забота* (0,41). Эти единицы наиболее характерны для информационно-аналитических текстов онлайн-изданий и аналитических жанров телевидения (*комментарий, аналитическое интервью, обозрение, дискуссия*), где политическая повестка, межгосударственные отношения, политические конфликты и действия акторов интерпретируются в терминах психологических состояний, межличностных отношений или психологического давления. Лексемы *абьюз/абьюзер, токсичный, нарцисс* функционируют как *оценочно-диагностические квалификаторы*, позволяющие медиатексту конструировать субъективную картину «токсичных» или «абьюзивных» политических, социальных взаимодействий: *У всех этих артистов, предавших и покинувших свою страну, нет никаких убеждений. <...> Они думают только о себе. Это самовлюбленные **нарциссы**, у которых нет никакой позиции* (sb.by, 18.02.2026); ***Нарцисс** — находка для шпиона, а блогер из ГРУ тем более. Украинская разведка выдала себя с потрохами* (sb.by, 26.03.2024). Конструирование образа в рамках оппозиции «здоровое — патологическое», акцентирующее деструктивное поведение и психоэмоциональное расстройство, служит мощным средством коммуникативного воздействия. Оно позволяет автору медиатекста имплицитно навязывать адресату оценочную рамку восприятия, в которой объект описания заранее квалифицируется как «нездоровый», «опасный» или

«требующий вмешательства». Адресат оказывается вовлеченным в процесс моральной квалификации события или личности, при этом альтернативные интерпретации исключаются или маркируются как «патологические». Эмоциональная окраска этих терминов способствует повышению убедительности сообщения, управлению восприятием адресата [20, с. 32].

Триггер является одной из частотных лексем в медиатекстах тематической группы «Политика», где он функционирует как синоним катализатора, спускового крючка для различных процессов: *Гренландия — это триггер для развала НАТО* (sb.by, 12.04.2026). При этом сохраняется исходная семантика «запускающего механизма», что делает этот термин особенно удобным для обсуждения политических процессов.

В текстах, посвященных социально значимым событиям, наиболее высокие проценты употреблений демонстрируют единицы *уязвимость* (0,40), *травма* (0,24), *тревожность* (0,18), *психологический* (0,17), что свидетельствует о фокусе обозначения социальных процессов через призму психического состояния и эмоциональной уязвимости, вербальной маркировки социальных проблем как эмоционально значимых.

Существенное проникновение ПЛ наиболее очевидно в рамках тематической группы «Работа / профессиональная деятельность». Наибольшие проценты употреблений демонстрируют *выгорание* (0,54), *стресс* (0,27), *тревожность* (0,18), *ред флаг / красный флаг* (0,20), *абыюз* (0,14), номинирующие психоэмоциональные последствия трудовой деятельности. Таким образом, медиатекст перестает быть безличной хроникой событий и становится диалогом с адресатом на понятном ему психологизированном языке.

Лексема *выгорание* (состояние, характеризующееся снижением психических возможностей внутри профессии, возраста, возникновением недовольства [21, с. 48]) демонстрирует высокую частотность в текстах, посвященных: трудовым практикам и корпоративной культуре (сверхурочная работа, многозадачность, удаленная форма работы); условиям труда (неудовлетворительные бытовые условия, нехватка личного пространства); психологическим последствиям профессиональной деятельности (хроническая усталость, снижение мотивации, эмоциональное истощение); стратегиям преодоления проблем (уход из профессии, смена образа жизни, переезд в деревню). При этом лексема используется для описания как физического, так и внутреннего (психологического) состояния объекта речи: *Недосып, параллельные созвоны и выгорание: рассказываем, на что они готовы пойти, чтобы получать сразу две зарплаты. Это тоже что-то вроде зависимости* (Tochka.by, 26.11.2025).

Отметим, что в медиатекстах профессиональная деятельность все чаще актуализируется посредством лексем эмоционального истощения и психологической нагрузки (*выгорание, стресс, депрессия*), что указывает на переход от инструментально-функционального подхода к описанию труда к психоэмоциональному. В жанрах репортажа, интервью макроструктурные блоки, содержащие откровенные признания и рефлексии говорящего о профессиональных проблемах (включая эмоциональную рефлексию), функционируют как аффективный и аттрактивный элемент, обеспечивающий вовлечение аудитории. Кроме того, данные единицы способствуют признанию усталости, индивидуального опыта в качестве социально значимого переживания.

Высокие значения в тематической сфере «Медиа/Интернет» фиксируются для слов *триггер* (0,31), *депрессия* (0,31), *психологический* (0,35), *токсичный* (0,13). Использование этих терминов служит описанию информационных эффектов, вирусного контента, алгоритмического воздействия и механизмов запуска общественных реакций: *Компании сосредоточились на алгоритмах, которые искусственно подогревают активность через негативные реакции, фактически превращая социальные платформы в инструмент распространения токсичного контента* (sb.by, 16.03.2025). Коллокации *триггерный контент, цифровое выгорание, токсичный алгоритм* выполняют оценочную функцию.

В рамках выявленных ядерных тем плотность ПЛ составляет 3 и более употреблений на один медиатекст. Вместе с тем заметим, что ПЛ активно задействуется не только в предсказуемых (*отношения, психология*), но и в ряде неожиданных тематических областей. В ходе исследования был выявлен отдельный репертуар тематических областей, в которых ПЛ встречается с относительно низкой, но регулярной частотностью (табл. 2) — 1–2 лексемы на текст, что указывает на менее интенсивное, но фиксируемое проникновение. В отличие от табл. 1, где представлены шесть ядерных реципиентных зон ПЛ, табл. 2 отражает иные тематические зоны, не вошедшие в первую классификацию. Эти тематические доминанты образуют **периферийные** (по плотности на текст), но **устойчивые** (по регулярности употребления) направления экспансии ПЛ.

Таблица 2. Устойчивые периферийные тематические области использования психотерапевтической лексики в медиадискурсе
Table 2. Regular Peripheral Thematic Zones of Psychotherapeutic Vocabulary in Media Discourse

Тема	Процент использования	Индекс тематической насыщенности
Информационные войны	10–12%	0,71–0,86
Технологии	9–11%	0,64–0,79
Поп-культура	8–10%	0,57–0,71
Маркетинг	4–5%	0,29–0,36
Урбанистика	4–5%	0,29–0,43
Образование	3–4%	0,21–0,29
Экология	3–4%	0,21–0,29
Спорт	3–4%	0,21–0,29
Происшествия/криминал	3–4%	0,21–0,29
Языковая политика	<1%	<0,07

Наибольший индекс тематической насыщенности ПЛ фиксируется в текстах, посвященных информационным войнам и цифровым технологиям. В рамках маркетинговой, образовательной, экологической, урбанистической тематик показатели корреляции существенно ниже, варьируя от 0,21 до 0,43. Минимальная степень вовлеченности ПЛ наблюдается при освещении языковой политики страны (<0,07). В то же время ее присутствие свидетельствует о тенденции к психологизации даже тех сфер, которые традиционно далеки от сферы психологии.

Данные результаты свидетельствуют о том, что ПЛ концентрируется в тех тематических зонах медиадискурса, где оценочная и эмоционально-воздействующая функции оказываются наиболее востребованными, тогда как в менее психоэмоционально нагруженных сферах ее использование носит эпизодический, но тем не менее устойчивый характер.

Наиболее показательной является лексема *триггер*, которая все чаще выходит за пределы психотравматологии и осваивается в темах, связанных с общественными, политическими, экологическими и урбанистическими процессами и событиями. Изначально *триггер* определяется как стимул, запускающий у индивида с посттравматическим стрессовым расстройством непровольные флешбэки или панические реакции³. В текстах экологической проблематики лексема используется для описания факторов, запускающих коллективную тревогу и протестные настроения (*экологический триггер, климатический триггер*): *Исследователи отмечают, что аномальная жара 2024 года выступила экологическим триггером для активизации протестных движений в ряде регионов, заставив граждан требовать пересмотра промышленной политики* (Тошка. by, 09.08.2024).

³ American Psychological Association. Trigger // APA Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org/trigger> (дата обращения: 02.04.2026).

В урбанистическом медиадискурсе *триггер* маркирует градостроительные конфликты, когда решение о застройке или сносе объекта воспринимается жителями как угроза их стабильности и становится спусковым механизмом для мобилизации (*триггер городских конфликтов*): *Решение о застройке сквера на улице Якуба Колоса оказалось триггером, объединившим жителей соседних домов против точечной застройки. За две недели инициативная группа собрала более 2000 подписей* (онт.by, 19.10.2024).

Таким образом, лексема *триггер* утрачивает привязку к индивидуальной психической травме и обеспечивает драматизацию и психологизацию общественных процессов и событий. Единичный факт (коррупционный скандал, экологическое происшествие, авария) осмысливается как травмирующий стимул, запускающий конфликты: *Массовые акции протеста, сопровождающиеся беспорядками, столкновениями с... продолжаются в Сербии почти год. Триггером послужило обрушение навеса на недавно построенном объекте* (sb.by, 18.09.2025); *Еще одним триггером, подогревающим социальное напряжение, стали коррупционные схемы* (news.by, 26.02.2026). Замена нейтральных терминов (*повод, катализатор, фактор*) на психологически маркированную лексему служит средством перевода события из объективно-аналитического регистра в регистр психоэмоционального переживания. Это позволяет автору представить социальный конфликт как реакцию «травмированного» общества на болезненный стимул.

В информационных текстах, посвященных городскому развитию, инфраструктурным проектам и конфликтам вокруг застройки, ПЛ используется как средство эмоциональной оценки городского пространства. В таких контекстах появляются выражения *токсичная городская среда, травма индустриального города, психологическое давление городской среды*, которые способствуют осмыслению города/пространства как субъекта, способного «давить», «травмировать». ПЛ также служит трансформации обсуждения социальных проблем в сферу субъективного чувственного переживания, описывая пространство как источник психоэмоционального напряжения.

В текстах о климатических изменениях и экологических угрозах фиксируется активное использование выражений *климатическая тревожность, экологическая травма, триггер экологических протестов/процессов*: *Климатическая тревожность: как лесные пожары становятся триггером экологической травмы для целых поколений. <...> После разрушительного наводнения жители города диагностируют у себя «экологическую травму»: даже звук дождя становится триггером, вызывающим желание бежать* (onliner.by, 08.08.2023). Экологическая проблема в таком случае представляется как объективная проблема или угроза и как источник коллективного аффективного состояния, что призвано усилить эмпатический отклик адресата.

В текстах, посвященных спорту, посредством ПЛ осуществляется фокус на деструктивных практиках, нежелательном поведении и эмоциональной оценке взаимодействия участников (спортсменов, тренеров, болельщиков) *токсичный вид спорта, абьюз в спорте, футбольный газлайтинг, онлайн-абьюз, абьюзивный тренер: Абьюзером... оказался родной брат и партнер по паре* (onliner.by, 26.06.2022). Соответственно, ПЛ смещает акцент с собственно спортивных достижений и соревновательной динамики на аффективную составляющую описываемых событий — психологическое давление, нарушение границ и эмоциональное насилие в отношениях между спортсменами, тренерами и болельщиками.

Интересно, что ПЛ, в частности лексема *абьюз* и ее дериваты, становится частотным маркером текстов с тематической доминантой «Происшествия/криминал». В криминальных телерепортажах ПЛ выполняет аттрактивную функцию, служит инструментом эмоционального нагнетания, конструирования образа угрозы. Клинически маркированное слово помещается в сильную текстовую позицию (заголовочную конструкцию, лид, макроблок «детали события») и задает соответствующую рамку восприятия героя, например: *В один из дней 27-летняя женщина вернулась домой, где ее ждал подвыпивший муж. Абьюзер сразу начал предъявлять жене претензии, из-за чего разгорелась ссора* (news.by, 05.12.2023).

Механизмы лексической экспансии психотерапевтической лексики: сочетаемость трансформации в медиадискурсе

Тематический анализ позволил зафиксировать сферы экспансии ПЛ. Для выявления механизмов этой экспансии был проведен анализ сочетаемости лексем. Медиадискурс выступает активной лингвокреативной средой, в которой формируется особый лексический фонд, восходящий к психотерапевтической терминологии, но приобретающий новые возможности сочетаемости, прагматические функции, выходящие далеко за пределы исходной профессиональной сферы. ПЛ переосмысливается, адаптируется и вступает в новые синтагматические связи, порождая коллокации, не имеющие аналогов в исходной терминосистеме. Таким образом, медиадискурс конструирует собственный лексический ресурс, который становится инструментом социальной диагностики, публичной оценки фактов действительности в самых разных сферах.

Расширение сочетаемости ПЛ проанализируем как освоение новых зон по нескольким направлениям, или шкалам.

Первая шкала — **тематическая** (горизонтальная экспансия) — перенос ПЛ из исходной сферы (психология, межличностные отношения) в другие тематические области (экономика, политика, урбанистика, поп-культура и т.д.). При этом семантическое ядро сохраняется, но предметно-тематическая область меняется.

В ряде слов-сопроводителей ПЛ появляется лексика, номинирующая экономические, политические, общественные, технологические процессы (*психология чаевых, культура выгорания, токсичная должность, токсичные политические условия, цифровая тревожность, психология скиддок, информационная травма, экономический стресс*). ПЛ, первоначально описывающая межличностные отношения (*токсичный человек, абьюзивные отношения*), применяется к объектам и явлениям сферы экономики, маркетинга, банковской сферы и т.д. Технологические, экономические явления и процессы описываются через психологические категории вреда, травмы или эмоционального давления. Так, лексема *токсичный* не столько описывает свойства объекта речи (вызывающего эмоциональное напряжение, провоцирующего агрессию, негативные реакции [18]), сколько маркирует его как социально нежелательный, деструктивный и требующий регуляции: *Безусловно, исходить нужно из технологического и финансового суверенитета — минимизация зависимости от токсичных долговых инструментов* (sb.by, 16.04.2024).

Нейтральные термины (*рискованные активы, нестабильные инструменты, высокودолговая зависимость*) заменяются на эмоционально заряженную лексику, ассоциируемую с психотерапией, которая выполняет дисфемистическую функцию. В этом случае нежелательные явления маркируются как вредоносные, истощающие ресурсы: *В бизнес-кругах все чаще говорят о необходимости проверять контрагентов на «токсичность»; Президент отметил, что по экспортно-импортным операциям 75% и выше у нас в мире расчетов осуществляется с использованием доллара и евро, токсичных для нас валют* (sb.by, 25.10.2022).

Как видим, лексика психотерапевтической диагностики придает политическим, экономическим и технологическим явлениям аффективно-перцептивную значимость для аудитории: события и процессы не столько анализируются, сколько переживаются через призму психологического дискомфорта, угрозы или травматического опыта.

Вторая шкала — **темпоральная** (временная характеристика: временное → хроническое). Объединение некоторых качественных прилагательных с ПЛ меняет темпоральную характеристику описываемого явления. ПЛ призвана номинировать и описывать не эпизодические состояния, а устойчивые, хронические, почти экзистенциальные характеристики: *усталость → хронический нересурс, конфликт → токсичная среда* (как постоянная характеристика): *Речь идет о хроническом нересурсе. Это не просто усталость, это депрессия целой диаспоры, потерявшей почву под ногами* (онт.by, 12.07.2025). Коллокации *токсичное наследие, хронический нересурс, низкий ресурс, информационный стресс* фиксируют длительные состояния, угрожающие психологическому

благополучию индивида или группы. Такие лексические единицы интенсифицируют оценку: хроническое состояние воспринимается как более серьезное, требующее не просто ситуативной реакции, а системного вмешательства.

Третья шкала — **референтной определенности/неопределенности** (движение от конкретного, единичного референта к размытому, обобщенному) — подразумевает перенос термина от одушевленного субъекта, обозначения конкретных межличностных взаимодействий к абстрактному и/или неодушевленному, безличному объекту (процесс, структура, среда, алгоритм, технология), например: *токсичный человек* → *токсичный контент*, *токсичный алгоритм*, *токсичный кейс*; *абьюзивные отношения* → *информационный абьюз*, *зарплата как форма абьюза*; *психологическая травма* → *экологическая травма*, *культурная травма*.

Исходно данная ПЛ служила описанию конкретных межличностных взаимодействий: *токсичный* — вызывающий стойкий психологический дискомфорт, эмоциональное истощение в общении между людьми, *абьюз* — насилие в паре, *границы* — разграничение «Я» и «Другого» в психотерапии. В медиадискурсе их сочетание со неодушевленными словами-сопроводителями, репрезентирующими носителя характеристики или агента действия, ведет к деантропоморфизации субъекта воздействия: ответственность за негативное действие снимается с конкретного субъекта и перекладывается на структуру, среду и т.д. В фрагменте *Google, позиционируя себя как арбитр истины, фактически нарушает основополагающие принципы демократии, крайне произвольно трактуют алгоритм, который позволяет объявлять определенные источники и алгоритмы «токсичными»* (sb.by, 19.02.2025) вредоносным агентом выступает алгоритмическая система, которая «подогревает» негативные реакции. При этом сама структура (алгоритм, город, медиасистема и т.д.) наделяется психологическими свойствами — она может «газлайтить», «быть токсичной», «обесценивать», «вызывать выгорание». Так, *токсичный алгоритм* — это алгоритм, который порождает у пользователя ощущение давления, тревоги, беспомощности; городской стресс — это не характеристика города, а состояние человека, вызванное городской средой. Таким образом, деантропоморфизация субъекта воздействия сопровождается антропоцентрической оптикой: в центре внимания остается человек с его эмоциональным опытом, а объекты и явления действительности оцениваются по тому, как они на этот опыт влияют.

Четвертая шкала **«индивидуальное — коллективное» / «частное — общее»** (переход от описания индивидуального опыта к характеристике групповых состояний). В медиадискурсе лексемы, изначально описывавшие межличностные отношения, применяются к социальным институтам, общностям. Расширение сочетаемости ПЛ в ряде случаев осуществляется за счет присоединения существительных, номинирующих коллективный субъект — социальные общности, профессиональные группы (педагоги, врачи), институции (корпорация, государство). ПЛ характеризует как индивидуальный опыт, так и групповые состояния: *выгорание поколения*, *депрессия поколения*. Фиксируются коллокации, где термин, первоначально обозначающий насилие в личных отношениях, сочетается с новыми словами-сопроводителями, порождая некоторые устойчивые варианты (*абьюзивный партнер* → *корпоративный абьюз*, *токсичный партнер* → *токсичная компания*), которые используются для описания социальных, трудовых отношений и практик, механизмов управления.

Показательным примером такого расширения являются сочетания *США-абьюзер*, *компания-абьюзер*, *токсичная страна*. Здесь качественное прилагательное характеризует страну/организацию, которая независимо от чьей-либо воли оказывает психологическое давление на человека, истощает его ресурс, провоцирует стресс, осуществляет давление. В итоге медиаадресату предлагается психологизированная трактовка события или субъекта речи, «диагноз» происходящего: *В этом плане США ведут себя как классические абьюзеры, которые до прямого рукоприкладства еще не дошли, а предпочитают угрозы, манипуляции и шантаж. В данном случае в качестве рычага давления использовались финансы* (онт.by, 07.06.2023).

Раньше для описания и аналитической интерпретации событий, явлений или действий субъектов преимущественно использовались морализаторские языковые средства или эмоционально-экспрессивные пейоративы из обыденной коммуникации, выражающие оценку через поведенческие или нравственные категории (например, *лживый, недобросовестный, скверный характер, подлый, злодейский, эгоист, трусливый, вредный, агрессивный, скандальный*). В современном медиадискурсе данные функции все чаще реализуются посредством терминов, обозначающих психологическое состояние. Такой переход свидетельствует о формировании психологизированного языка медиа. Оценка и интерпретация событий, явлений или поведения людей осуществляются через языковые репрезентанты психического состояния, эмоциональной регуляции и личностной (не)компетентности. Квалификация поведения или действий объекта речи как эмоционально или психически вредоносных призвана выполнять прагматическую функцию: усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию и задает фокус интерпретации событий.

Пятая шкала — «**узуальное — окказиональное**» / «**стандартное — креативное**». ПЛ выходит за рамки стандартных коллокаций для создания юмористического эффекта (иронии, пародии, абсурда) или в качестве средства языковой выразительности. В итоге формируется единичное лингвокреативное преобразование, которое не закрепляется в языке медиа, но демонстрирует речевую креативность и/или рефлексия автора над модным дискурсом или модными словами. Шкала фиксирует намеренную девиацию от узуальной сочетаемости.

ПЛ наиболее часто вступает в нестандартные сочетания с существительными различных семантических групп. Анализ корпуса материала позволил выделить тематические типы существительных, номинирующих:

- 1) социально-психологические понятия — лексико-семантическая группа «Пространственные и средовые характеристики», объединяющая локативные существительные, обозначающие не физическое пространство, а условия, совокупность обстоятельств, эмоциональный контекст взаимодействия (*токсичный фон оппонентов*);
- 2) институциональные и профессиональные сферы (*корпоративный нарцисс*);
- 3) физиологические и ресурсные состояния, описывающие дефицит витальных возможностей (*нересурс из-за дождя*);
- 4) бытовые объекты (*токсичные отношения с гардеробом, абьюзивная погода*);
- 5) животных, т.е. зоонимы (*кот-абьюзер, хаски-абьюзер*);
- 5) аффективные состояния (*токсичный стыд, токсичный позитив*);
- 6) характеристики отношений (*токсичная грань совершенно несоседских отношений*).

Наиболее частотное и стилистически маркированное употребление ПЛ фиксируется в рекреативных жанрах — музыкальных и кинообзорах, рецензиях на клипы и сериалы, модных обзорах. Однако лингвокреативные сочетания наблюдаются также в информационно-аналитических медиатекстах практически всех тематических групп. Например, в заголовке культурного обзора «*Битва клипов: кордебалет в райсуде, эталонный абьюз и атака бывших*» (onliner.by, 07.12.2025) автор соединяет качественно-оценочное прилагательное с положительной семантикой, маркирующее соответствие стандарту *эталонный*, с лексемой, номинирующей психологическое насилие. *Эталонный* используется в сочетаниях, которые описывают ориентир или образец, например: *эталонный стиль, эталонный пример, эталонная работа*. Создаваемый сочетанием *эталонный абьюз* оксюморонный эффект усиливается за счет его применения для описания публичного развода в шоу-бизнесе: абьюз предстает не как травматический опыт, а как «образцовое шоу» с кордебалетом и пирамидой бокалов. В таких контекстах ПЛ становится лингвокреативным инструментом зрелищности и развлекательности, т.е. рекреативности.

В окказиональных конструкциях ПЛ реализует иронико-пародийную и метарефлексивную функции, становясь инструментом языковой игры и метакоммуникативной рефлексии над

распространенностью модных слов. Иллюстрацией первого случая является репортаж телеканала ОНТ, посвященный видеоролику, в котором хаски, отвечая на агрессию козленка, вынуждает его спастись бегством. Автор включает в ткань повествования ироничный комментарий *Пхах, и сразу побежала кому-то жаловаться на хаски-абьюзера* (онт.by, 15.02.2022). Лексема *абьюзер* используется для описания поведения собаки (*хаски-абьюзер*). С точки зрения лексической сочетаемости данная конструкция представляет собой нарушение узуальной коллокационной нормы, поскольку термин *абьюзер* обычно соотносится с антропонимическим субъектом и предполагает наличие сложных социальных и психологических отношений власти, контроля и эмоционального насилия. Соединение этой лексемы с зоонимом формирует эффект семантической несовместимости, лежащий в основе комического.

В этом случае проявляется механизм игровой деконтекстуализации термина, при котором специализированная единица извлекается из профессионального дискурса и помещается в нарочито несоответствующую ситуацию, например: *Токсичные разборки, водитель может подарить поездку, гонки на скорость. Все ли вы знаете про такси в Минске* (онт.by, 14.10.2023); *В весенних отчетах количество официально зарегистрированных безработных в Германии пробило психологическую отметку, колеблясь в районе 3 миллионов человек* (sb.by, 13.2026). Автор текста / журналист сознательно использует модную ПЛ зачастую в абсурдизированном контексте, создавая иронический эффект как для «оживления» текста, так и для усиления воздействия на аудиторию.

В ходе анализа было замечено, что последние три года наряду с реализацией иронической и аттрактивной функций ПЛ отражает рефлексия над современной речевой модой. Ее использование, вместе с эмоционализацией и аттрактивностью, становится ироническим способом акцентирования чрезмерной модности/популярности терминов психологии и их инфляционного употребления в современной коммуникации: *Тема старая, обращена к страдающим дамам: пока мужики развлекаются, женщины сидят взаперти, варят борщ. Доколе? Хватит терпеть абьюзеров! Но в то же время — как их не терпеть? Ведь они вон какие классные* (onliner.by, 24.08.2025).

Рассмотрим фрагмент статьи о популярности советских фильмов: *Нынче в соцсетях стало модным критиковать идейные нарративы советских фильмов. Например, чрезмерно сильное желание женщин той эпохи построить семью. Даже главных героинь оscarоносного фильма «Москва слезам не верит» или киноленты «Девчата» обвиняют сегодня в принятии абьюза* (sb.by, 19.06.2025). Комический эффект возникает за счет контраста между современной ПЛ и референтной сферой — советским кинематографом, где феномен психологического насилия не являлся частью дискурса и не был в фокусе общественного внимания. Используя выражение *принятие абьюза* при описании поступков киногероинь, автор иронически обыгрывает моду на ПЛ, показывая, как современные оценочные категории механически переносятся на исторический, культурный контекст. Здесь осмеивается навязчивая привычка интерпретировать любые жизненные коллизии через психотерапевтическую оптику.

Отметим, что выделенные шкалы синтагматических связей ПЛ не являются строго изолированными — они могут пересекаться и взаимодополнять друг друга. Например, коллокация *финансовый абьюз* одновременно иллюстрирует действие тематической (перенос из межличностной сферы в профессиональную) и градуальной (переход от конкретного субъекта к системе, институции) шкал. Аналогичным образом сочетание *хронический нересурс* фиксирует пересечение темпоральной шкалы (переход от временного состояния к хроническому) и шкалы «частное — общее» (индивидуальное состояние осмысливается как коллективное). Такая вариативность свидетельствует о высокой адаптивности ПЛ, ее активном проникновении в различные типы медиадискурса и трансформации клинических терминов в универсальный инструмент интерпретации явлений действительности, отражающий языковую моду.

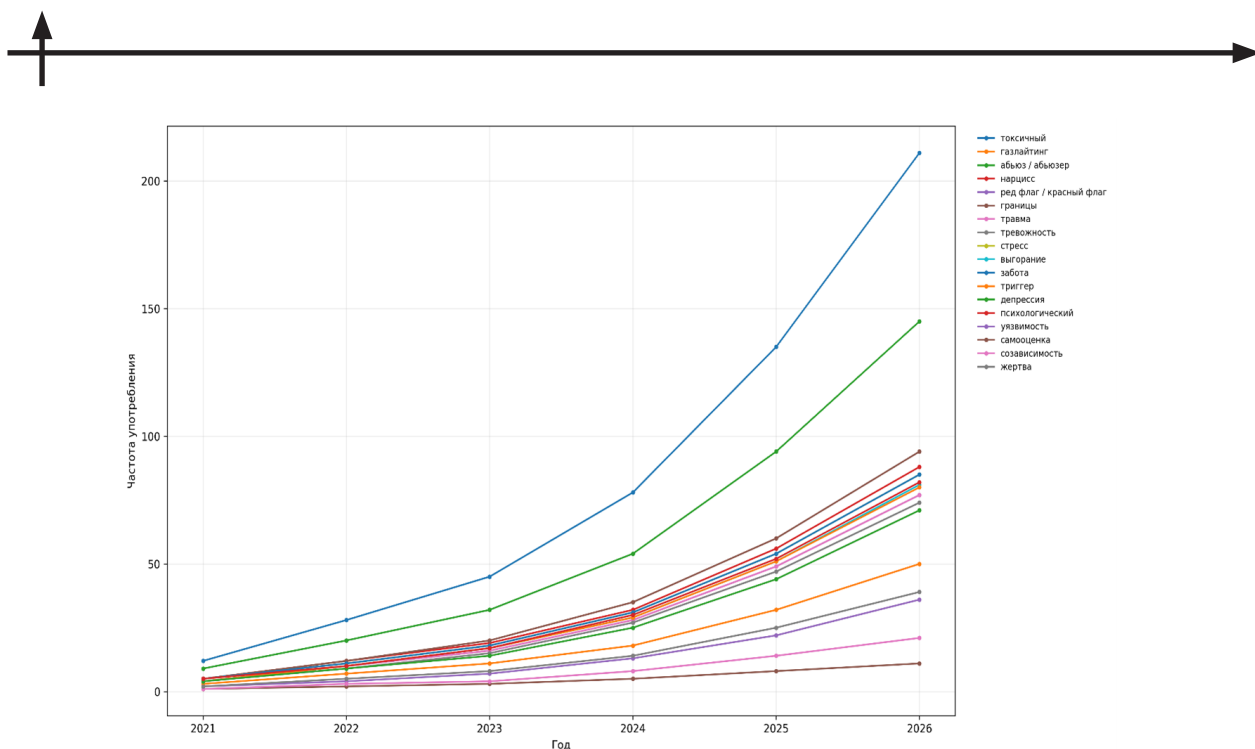

Рис. 1. Динамика частотности психотерапевтической лексики в медиадискурсе (январь 2021 г. — июнь 2026 г.)

Fig. 1. Frequency dynamics of psychotherapeutic vocabulary in media discourse (January 2021 — June 2026)

Динамика частотности психотерапевтической лексики в белорусском медиадискурсе

Для выявления динамики актуализации ПЛ в медиадискурсе был проведен сопоставительный анализ частотности ключевых лексем за январь 2021 г. — июнь 2026 г. Полученные данные демонстрируют (рис. 1) устойчивую восходящую динамику частотности ПЛ на протяжении всего исследуемого периода.

Совокупная частотность представленных единиц увеличивается с 77 употреблений в 2021 г. до 1473 в первой половине 2026 г., что свидетельствует о существенном расширении присутствия ПЛ в медиатекстах. При этом рост не является равномерным: наиболее заметное увеличение частотности наблюдается после 2024 г., и в 2026 г. проявляется устойчивое увеличение частотности, достигающее максимума, что позволяет говорить об активизации процесса лексико-семантической психологизации медиадискурса.

Наиболее выраженная динамика характерна для лексемы *токсичный*, частотность которой возрастает с 12 употреблений в 2021 г. до 211 в 2026 г. Существенный рост демонстрируют также *абыюз/абыюзер* — с 9 до 145 употреблений, *нарцисс* — с 5 до 88, *границы* — с 5 до 94 и *ред флаг / красный флаг* — с 4 до 77. Динамика этих единиц особенно показательна, поскольку они не столько номинируют внутренние психические состояния, сколько интерпретируют поведение, отношения и социально-политических взаимодействия.

Отдельную группу составляют лексемы, связанные с эмоциональным состоянием субъекта. Так, последовательность роста частотности лексем *тревожность*, *стресс*, *выгорание*, *травма* указывает на активизацию и расширение практики репрезентации социальных и индивидуальных состояний посредством психологически маркированной номинации.

Показательна динамика лексем *триггер*, *психологический*, *депрессия*, *забота*. Их частотность также возрастает на протяжении всего рассматриваемого периода, однако абсолютные значения остаются ниже показателей лексических единиц *токсичный* или *абыюз/абыюзер*. Это позволяет утверждать, что психологизация в медиадискурсе осуществляется как посредством оценочной квалификации субъектов и отношений, так и через постепенное расширение лексического

инструментария описания эмоционального опыта, механизмов регуляции и психологической рефлексии.

Особого внимания заслуживает лексема *уязвимость*, частотность которой увеличивается с 2 до 36 употреблений. Несмотря на относительно невысокие абсолютные показатели, ее динамика свидетельствует о распространении медиафрейма (структуры знаний, задающей определенный угол зрения на медиасобытие или явление), в котором субъект описывается через состояние психологической незащищенности и эмоциональной чувствительности. Аналогичную, хотя и менее выраженную динамику демонстрируют слова *самооценка*, *созависимость*, *жертва*.

Принципиально важно, что представленная динамика характеризует не просто увеличение количественной представленности отдельных слов, а изменение языкового способа медиаконструирования действительности. Рост частотности ПЛ свидетельствует о внедрении и активном расширении психотерапевтического фокуса медиакартины мира.

Психотерапевтическая лексика как маркер языковой моды, или языкового вкуса

Для обоснования тезиса о том, что ПЛ является маркером языковой моды в медиакommunikации, будем опираться на комплекс разработанных нами объективных показателей. Речь идет о витальности языковой моды — способности определенных лексических ресурсов активно и устойчиво внедряться в медиадискурс, формируя новые речевые предпочтения и интерпретационные модели.

Объективные показатели экспансии ПЛ в медиадискурсе представим по следующим основаниям:

1) **количественный охват медиатекстов** — зафиксированная выборка из 828 текстов (из 1600 проанализированных), содержащих ПЛ, свидетельствует о том, что ПЛ присутствует в 51,8% медиатекстов;

2) **широта тематического спектра** — ПЛ фиксируется как в ядерных, так и периферийных реципиентных тематических областях, в рамках тем, связанных с психологией и межличностными отношениями, и в ряде других тематических областей, не связанных с психологической проблематикой напрямую. Это свидетельствует о расширению сфер употребления языка за пределы исходной дискурсивной ниши;

3) **плотность/интенсивность употребления** — в ядерных тематических сферах плотность ПЛ составляет 3 и более лексем на текст, что свидетельствует о высокой степени насыщенности медиадискурса терапевтической лексикой. Даже в периферийных зонах фиксируется 1–2 лексемы на текст, что указывает на ее устойчивое присутствие;

4) **динамика частотности** — совокупная частота употребления ПЛ увеличивается с 2021 до 2026 г. (см. рис. 1), что демонстрирует устойчивую восходящую динамику ПЛ и ее закрепление в медиакommunikации;

5) **вариативность синтагматических связей** — ПЛ демонстрирует расширение сочетаемости по нескольким шкалам: тематической, градуальной, шкале «частное — общее», темпоральной, шкале «узуальное — окказиональное», что указывает на высокую адаптивность ПЛ к различным контекстам и жанрам;

6) **грамматическая экспансия** (освоение ПЛ новых грамматических форм, в частности, глагольных — *абыюз* → *абыюзить*);

7) **семантическое расширение** (изменение значений лексем при переходе из профессионального дискурса в медийный). Данные аспекты не рассматриваются в настоящей статье, поскольку они уже были подробно проанализированы в предшествующих исследованиях (например: [9; 11; 12; 15 и др.]);

8) **престижность и модность** — регулярное использование ПЛ в популярных у медиааудитории жанрах (гороскоп, кинообзор, музыкальная рецензия и т.д.), в сильных позициях текста

(заголовки, подзаголовки, лиды), где она выполняет аттрактивную функцию, одновременно маркируя текст как актуальный и «психологически грамотный», а также использование метатекстовых операторов (*как сейчас модно говорить, как принято сейчас говорить, как говорит молодежь*). Метатекстовая рефлексия свидетельствует о том, что употребление ПЛ осознается авторами как маркер современности и модности;

9) **интерноризация/освоенность в повседневном дискурсе и медиадискурсе** — использование ПЛ в прямой речи героев публикаций, в комментариях пользователей и интервью свидетельствует о том, что психотерапевтический язык присвоен носителями и служит для них средством осмысления личного опыта (межличностные отношения, психоэмоциональные состояния, профессиональные трудности); использование ПЛ призвано создавать эффект достоверности;

10) **метадискурсивная рефлексия** — критика избыточности ПЛ и ее ироническое обыгрывание. Как отмечает Н.А. Красавский, рефлексия над языковыми явлениями свидетельствует об их укорененности в языковом сознании [22].

Шкала устойчивости/укорененности психотерапевтической лексики в медиадискурсе

Для количественной оценки степени внедренности лексики в медиадискурс была разработана шкала устойчивости/укорененности ПЛ (табл. 3), которая отражает степень ее экспансии, регулярности, функциональной насыщенности. В основу шкалы заложены объективные факторы, фиксирующие реальное присутствие и функционирование ПЛ в медиатекстах.

Таблица 3. Шкала устойчивости/укорененности лексики в медиадискурсе
Table 3. Scale of steadiness/entrenchment of lexis in media discourse

Значение индекса	Степень устойчивости	Характеристика
< 20	Крайне низкая	лексика фиксируется в единичных текстах, преимущественно в узкой тематической сфере; частотность стабильно низкая; новые коллокации не образуются; грамматическая и семантическая экспансии отсутствуют; динамика роста не фиксируется; престижность и модность, освоенность в повседневном дискурсе и медиадискурсе, метадискурсивная рефлексия не фиксируются
21–40	Низкая	лексика используется эпизодически, преимущественно в специализированных изданиях или рубриках; тематический спектр ограничен 2–3 сферами; насыщенность текста — до 1 лексемы; динамика роста незначительная; случаи грамматической и семантической экспансии единичны; редкие случаи использования лексики в сильных позициях (<5% заголовков), метарефлексия единичная, интерноризация эпизодическая
41–60	Средняя	лексика регулярно встречается в нескольких тематических сферах (<10); насыщенность текста — 1–2 лексемы; частотность демонстрирует умеренный рост; фиксируются отдельные случаи нестандартной сочетаемости; случаи грамматической и семантической экспансии эпизодические (<20% от общего числа употреблений лексем); лексика используется в сильных позициях (<10% заголовков); метатекстовые операторы единичны или отсутствуют; интерноризация в речи героев эпизодическая (<10% интервью); метарефлексия единичная
61–80	Устойчивая	лексика активно используется в широком спектре тематических сфер (<20); насыщенность текста — 2–4 лексемы; частотность демонстрирует устойчивый рост; фиксируется активное расширение сочетаемости по 3 и более шкалам; лексика является объектом метадискурсивной рефлексии; регулярные (>20% от общего числа употреблений лексем) случаи грамматической экспансии и семантического расширения значений; используется регулярно в сильных позициях (10–30% заголовков); метатекстовые операторы регулярны; интерноризация в речи героев и комментариях (10–30% интервью/постов); метадискурсивная рефлексия фиксируется в 5–15% текстов

Окончание таблицы 3

Значение индекса	Степень устойчивости	Характеристика
> 81	Высокая	лексика проникает в 20 и более тематических сфер; насыщенность текста – 4 и более лексемы; частотность демонстрирует экспоненциальный рост; фиксируется высокая сочетаемость вариативность по 5 шкалам; лексика является объектом метадискурсивной рефлексии; регулярно фиксируются новые грамматические формы (глаголизация, адъективация и т.д.), устойчивое семантическое расширение значений более 70% слов-репрезентантов; используется в >30% заголовков; метатекстовые операторы в >20% текстов; интерноризация в >30% интервью/комментариев; метадискурсивная рефлексия в >15% текстов; регулярные новые грамматические формы и семантическое расширение >50% слов-репрезентантов

На основе полученных эмпирических данных индекс устойчивости ПЛ в белорусском медиадискурсе рассчитывается следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Индекс устойчивости психотерапевтической лексики в белорусском медиадискурсе
Table 4. Entrenchment Index of Psychotherapeutic Vocabulary in Belarusian Media Discourse

Параметр	Показатель	Балл (0–100)	Обоснование
Частотность употребления	3209 употреблений	75	Высокая, не максимальная
Насыщенность текста	3,5 лексемы на текст	72	Значительная, не максимальная
Тематический спектр	16 тематических зон	78	Широкий, не максимальный
Динамика роста (2021–2026)	Рост в 19 раз (с 77 до 1473)	80	Интенсивный
Вариативность синтагматических связей	5 шкал	82	Высокая, максимальная
Грамматическая экспансия	29% от общего числа употреблений лексем	70	Присутствует, не максимальная
Семантическое расширение	48% от общего числа употреблений лексем	72	Присутствует, не максимальная
Престижность и модность	Регулярное использование в сильных позициях (38% текстов) и популярных жанрах; фиксируются метатекстовые операторы	82	Высокая
Интерноризация	ПЛ используется в прямой речи героев (18% интервью/репортажей)	74	Значительная, не максимальная
Метадискурсивная рефлексия	Фиксируются случаи иронического обыгрывания и пародирования (39% текстов)	82	Высокая

Полученное значение индекса устойчивости $(75 + 72 + 78 + 80 + 82 + 70 + 72 + 82 + 74 + 82) / 10 = 76,7$ соответствует верхнему порогу «Устойчивой» степени (61–80).

Таким образом, применение шкалы устойчивости/укорененности позволяет обосновать тезис о том, что ПЛ является устойчивым и динамично развивающимся маркером современного языковой моды в медиадискурсе.

Заключение

ПЛ в современном медиапространстве приобретает статус универсального модного языкового инструмента акцентирования различных аспектов картины мира, интерпретации и оценивания личности и действительности.

Распространенность, плотность и распределение ПЛ по самым разным жанрам и тематическим доминантам медиадискурса подтверждает формирование в нем особого психологизированного фокуса репрезентации реальности, при которой межличностные отношения, политические процессы, цифровая коммуникация, профессиональная деятельность и т.д. описываются посредством лексики эмоционального состояния, психологической (не)нормы, психического (не)благополучия. Экспансия ПЛ в медиадискурс формирует психотерапевтический фокус, способствует сведению событий, процессов к межличностному взаимодействию (например, абьюзивные отношения между странами), восприятию посредством психоэмоционального опыта, индивидуальных и коллективных состояний. Расширение сочетаемости ПЛ происходит по нескольким направлениям: от единичного к обобщенному, от конкретного к абстрактному, от индивидуального к коллективному, от временного к хроническому, от узуального к окказиональному. Это свидетельствует о превращении ПЛ из узкопрофессионального инструмента в распространенный и востребованный ресурс интерпретации событий и фактов действительности. При этом ПЛ выполняет аттрактивную, эмоционально-воздействующую, регулятивную, оценочную, дисфемистическую, рефлексивную функции. ПЛ в медиадискурсе становится объектом лингвокреативной рекомбинации — намеренного нарушения узуальных сочетаний с целью создания иронического или экспрессивного эффекта и концентрации внимания на предмете речи.

Исходя из сказанного, целесообразно сделать вывод, что наблюдаемые процессы свидетельствуют о формировании языкового вкуса, ориентированного на психологизированную интерпретацию действительности, где ПЛ становится ключевым ресурсом оценки и интерпретации медиакартины мира.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ использования ПЛ в различных типах медиадискурса (профессиональный журналистский и пользовательский), в разных языковых и культурных средах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 319 с.
2. Симонова О.А. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24
3. Lerner J., Rivkin-Fish M. On Emotionalisation of Public Domains // *Emotions and Society*. 2021. Vol. 3. Iss. 1. P. 3–14. DOI: 10.1332/263169021X16135678312345
4. Nehring D., Plotkin M., Csuri P., Viotti N. Re-Thinking Therapeutic Cultures: Tracing Change and Continuity in a Time of Crisis and Change // *Sociological Research Online*. 2024. Vol. 29. Iss. 2. P. 287–298. DOI: 10.1177/13607804241249284
5. Illouz E. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press, 2008. 294 p.
6. Madsen O.J. *The Therapeutic Turn: How Psychology Altered Western Culture*. London: Routledge, 2014. 204 p. DOI: 10.4324/9781315779584
7. Eramian L., Mallory P., Herbert M. Friendship, Intimacy, and the Contradictions of Therapy Culture // *Cultural Sociology*. 2024. Vol. 18. Iss. 4. 507–527. DOI: 10.1177/17499755231157440
8. Колесник В.А., Фомина И.Н. К вопросу об этимологии психологических терминов: сопоставительный анализ русской и английской терминосистем // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2024. № 8–2. С. 189–196. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.8-2.29
9. Павлова А.И., Грязнова В.М. Процесс детерминологизации терминов из области психологии в языке современных развлекательных телепередач // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 327–332. DOI: 10.37493/2409-1030.2025.2.20

10. **Isern-Mas C., Almagro M.** Unmasking therapy-speak // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2025. Vol. 46. Iss. 6. P. 465–489. DOI: 10.1007/s11017-025-09730-5
11. **Заманова И.В.** Современные принципы лексикографической интерпретации психической лексики (на примере нормативного толкового словаря) // *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 1. С. 10–26. DOI: 10.21603/2023-25-1-10-26
12. **Здриковская Т.А., Мохова Ю.А.** Функционирование психотерапевтических терминов в русскоязычном интернет-дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1548–1553. DOI: 10.30853/phil20220284
13. **Almagro M., Isern-Mas C.** Blunting concepts: The double-edged effect of popularizing psychotherapy language // *Philosophical Psychology*. 2025. 1–28. DOI: 10.1080/09515089.2025.2573763
14. **Morgan P.** *Semantic Bleaching: Loss of Meaning in Hyper-Exposed Language*. Berlin: epubli, 2026. 151 p.
15. **Истомина Е.М.** Использование психологических терминов в различных типах дискурсов (на примере новостного корпуса) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2023. № 2 (113). С. 64–74. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-2-113-6
16. **Лебедева С.В., Астахова Н.В.** Психотерапевтическая терминология в контексте теории эвфемии // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2024. Вып. 4 (55). С. 128–137.
17. **Пивоварчик Т.А.** Модные слова из предметной области «Психология» в текстах белорусских СМИ // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2025. № 3. С. 34–38. DOI: 10.63874/2218-029X-2025-3-34-38
18. **Assembling Therapeutics: Cultures, Politics and Materiality** / ed. by S. Salmenniemi, J. Nurmi, I. Perheentupa, H. Bergroth. London: Routledge, 2019. 238 p. DOI: 10.4324/9781351233392
19. **Iacob A., Uban A.S.** A Computational Analysis of the Emergence of Therapy-speak in Social Media // *The Proceedings for the 6th International Workshop on Computational Approaches to Language Change (LChange'26)*. Rabat, 2026. P. 131–146. DOI: 10.18653/v1/2026.lchange-1.12
20. **Краснощекова С.В., Галкина Е.В.** Эвиденциальные стратегии в текстах русскоязычных СМИ Республики Кыргызстан // *Terra Linguistica*. 2026. Т. 17. № 1. С. 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102
21. **Колтунович Т.А.** Профессиональное выгорание в исторической ретроспективе: описательный период осмысления феномена // *Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук*. 2012. № 11–12 (20–21). С. 46–50.
22. **Красавский Н.А.** *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

REFERENCES

- [1] **Kostomarov V.G.**, *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [The linguistic taste of the era. From observations on the speech practice of the mass media], Zlatoust, St. Petersburg, 1999.
- [2] **Simonova O.A.**, The 'Emotional Markup' of Psychotherapeutic Culture: Imperatives, Ideational Contradictions, and Lines of Analysis, *The Journal of Social Policy Studies*, 22 (1) (2024) 7–24. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24
- [3] **Lerner J., Rivkin-Fish M.**, On Emotionalisation of Public Domains, *Emotions and Society*, 3 (1) (2021) 3–14. DOI: 10.1332/263169021X16135678312345
- [4] **Nehring D., Plotkin M., Csuri P., Viotti N.**, Re-Thinking Therapeutic Cultures: Tracing Change and Continuity in a Time of Crisis and Change, *Sociological Research Online*, 29 (2) (2024) 287–298. DOI: 10.1177/13607804241249284.
- [5] **Illouz E.**, *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help*, University of California Press, Berkeley, 2008.
- [6] **Madsen O.J.**, *The Therapeutic Turn: How Psychology Altered Western Culture*, Routledge, London, 2014. DOI: 10.4324/9781315779584
- [7] **Eramian L., Mallory P., Herbert M.**, Friendship, Intimacy, and the Contradictions of Therapy Culture, *Cultural Sociology*, 18 (4) (2024) 507–527. DOI: 10.1177/17499755231157440

- [8] **Kolesnik V.A., Fomina I.N.**, Etymology of Russian and English Terms of Psychology: A Comparative Analysis, *Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice*, 8–2 (2024) 189–196. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.8-2.29
- [9] **Pavlova A.I., Gryaznova V.M.**, The process of determinologization of terms from the field of psychology in the language of modern entertainment TV shows. *Humanities and law research*, 12 (2) (2025) 327–332. DOI: 10.37493/2409-1030.2025.2.20.
- [10] **Isern-Mas C., Almagro M.**, Unmasking therapy-speak, *Theoretical Medicine and Bioethics*, 46 (6) (2025) 465–489. DOI: 10.1007/s11017-025-09730-5
- [11] **Zamanova I.V.**, Modern Lexicographic Interpretation of Psychic Vocabulary: A Standard Explanatory Dictionary, *SibScript*, 25 (1) (2023) 10–26. DOI: 10.21603/2023-25-1-10-26
- [12] **Zdrikovskaya T.A., Mokhova Y.A.**, Functioning of Psychotherapeutic Terms in the Russian Internet Discourse, *Philology. Theory & Practice*, 15 (5) (2022) 1548–1553. DOI: 10.30853/phil20220284
- [13] **Almagro M., Isern-Mas C.**, Blunting concepts: The double-edged effect of popularizing psychotherapy language, *Philosophical Psychology*, (2025) 1–28. DOI: 10.1080/09515089.2025.2573763
- [14] **Morgan P.**, *Semantic Bleaching: Loss of Meaning in Hyper-Exposed Language*, epubli, Berlin, 2026.
- [15] **Istomina E.M.**, Using psychological terms in different types of discourse by the examples of news corpus, *Cherepovets State University Bulletin*, 2 (113) (2023) 64–74. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-2-113-6
- [16] **Lebedeva S.V., Astakhova N.V.**, Psychotherapeutic Terminology in the Context of Euphemia Theory, *Theory of Language and Intercultural Communication*, 4 (55) (2024) 128–137.
- [17] **Pivavarchyk T.**, Buzzwords From the Subject Area “Psychology” in the Texts of Belarusian Media, *Vesnik of Brest University. Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology*, 3 (2025) 34–38. DOI: 10.63874/2218-029X-2025-3-34-38.
- [18] *Assembling Therapeutics: Cultures, Politics and Materiality*, ed. by S. Salmenniemi, J. Nurmi, I. Perheentupa, H. Bergroth, Routledge, London, 2019. DOI: 10.4324/9781351233392
- [19] **Iacob A., Uban A.S.**, A Computational Analysis of the Emergence of Therapy-speak in Social Media, *The Proceedings for the 6th International Workshop on Computational Approaches to Language Change (LChange’26)*, Rabat, 2026, pp. 131–146. DOI: 10.18653/v1/2026.lchange-1.12
- [20] **Krasnoshchekova S.V., Galkina E.V.**, Evidential Strategies in Russian-language Media Texts of the Kyrgyz Republic, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102
- [21] **Koltunovich T.A.**, Professional Burnout in the Historical Retrospection: Descriptive Period of Understanding A Phenomenon, *Novyy universitet. Seriya: Aktualnyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [The new university. Series: Actual problems of the humanities and social sciences], 11–12 (20–21) (2012) 46–50.
- [22] **Krasavskiy N.A.**, *Emotsionalnyye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures], Peremena, Volgograd, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Гладко Марина

Maryna Gladko

E-mail: mgladko29@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

Поступила: 17.07.2026; Одобрена: 26.08.2026; Принята: 07.09.2026.

Submitted: 17.07.2026; Approved: 26.08.2026; Accepted: 07.09.2026.